

УДК [82.09+82.02]: 821.161.1"181"

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ КРЫМА В ТВОРЧЕСТВЕ И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА И К. Н. БАТЮШКОВА

Охременко А. А.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: alexandra9@mail.ru*

В статье рассматривается литературная реализация крымской темы в творчестве двух писателей – представителей одной эпохи, но разных литературных течений – К. Н. Батюшкова и И. М. Муравьева-Апостола; воспроизводится история их творческих и личных контактов; выдвигается предположение, что адресатом писем из «Путешествия по Тавриде» мог быть К. Н. Батюшков, приводятся аргументы, доказывающие эту точку зрения.

Ключевые слова: К. Н. Батюшков, И. М. Муравьев-Апостол, «Таврида», «Путешествие по Тавриде», путевые заметки, литература о Крыме.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к крымской теме в литературе появился в конце XVIII – начале XIX века. Это было связано с рядом факторов: распад Ханского княжества, присоединение полуострова к Российской империи в 1873 году (как следствие – возможность посетить экзотический южный край), просветительские настроения в обществе. В Крым начали приезжать ученые, писатели, просто путешественники (как российские подданные, так и иностранные). В этот период были созданы наиболее известные образцы литературы о Крыме. К их числу можем отнести работы П. С. Палласа, В. Ф. Зуева, К. И. Габлица, П. И. Сумарокова, В. В. Измайлова, Шарля Жильбер Ромма, Адама Нарушевича, Станислава Богуша-Сестренцевича и многих других.

Сегодня изучением путевой литературы о Крыме занимаются как историки, так и литературоведы. Весомый вклад в тему внесли А. А. Непомнящий, автор книги «Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма» (последняя треть XVIII – начало XX вв.) (1999 г.); Э. Б. Петрова, переиздавшая травелоги Шарля Жильбер Ромма, Н. Н. Мурзакевича и А. Н. Демидова (2011 г.); В. В. Орехов – переводчик первого путеводителя по Крыму Ш. Монтандона; о впечатлениях польских путешественников о Крыме писал С. В. Громенко, английских – Н. И. Храпунов, Е. Деремедведь, Т. А. Прохорова.

О крымском путешествии И. М. Муравьева-Апостола чаще всего упоминают в связи с А. С. Пушкиным и его поэмой «Бахчисарайский фонтан» (об этом подробно написал В. А. Кошелев в статье «О жизни и творчестве И. М. Муравьева-Апостола» [1]). Однако «Путешествие по Тавриде» интересно не только в таком контексте; оно имеет значение и в развитии жанра литературного путешествия, и в понимании литературного процесса первой половины XIX века.

Цель нашей статьи – рассмотреть литературную реализацию крымской темы в творчестве И. М. Муравьева-Апостола и К. Н. Батюшкова, проследить изменения в

восприятию «полуденного края» в зависимости от литературных течений. Для этого необходимо решить следующие **задачи**: по письмам и дневниковым записям воспроизвести историю взаимоотношений И. М. Муравьева-Апостола и К. Н. Батюшкова; систематизировать представления К. Н. Батюшкова и И. М. Муравьева-Апостола о Крыме; выделить в их текстах характерные жанрово-стилевые черты.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Несмотря на то, что К. Н. Батюшков и И. М. Муравьев-Апостол были представителями разных литературных течений, их объединяли творческие интересы, а также дружеские и семейные связи. Знакомство К. Н. Батюшкова с его троюродным дядей, И. М. Муравьевым-Апостолом, состоялось в 1810 году, о чем Батюшков написал в заметке «О Горации» («Листы из записной книжки», 1809–1810): «И. М. Муравьев-Апостол – любезнейший из людей, человек, который имеет блестящий ум и сердце, способное чувствовать все изящное, – сказал мне, что он не выпускает Горация из рук, что учение сего стихотворца может заменить целый век опытности, что он всякий день более и более открывает в нем не только поэтических красот, но истин, глубоких и утешительных» [2, т. 2, с. 27]. С разговоров о творчестве римского поэта началась их дружба.

Весной 1811 года состоялось первое заседание «Беседы любителей русского слова». Уже на втором заседании, 22 апреля, с «Кратким рассуждением о Горации» и переводом его I Сатиры выступил И. М. Муравьев-Апостол, член второго разряда общества. А через месяц после этого успешного выступления Батюшков пишет Гнедичу письма (6 и 29 мая 1811 г.), в которых просит рассказать о прошедших чтениях. Из этих писем мы узнаем, что он следит за литературной деятельностью своего троюродного дяди: «Муравьев-Апостол читал “Жизнь Горация”? – Я бьюсь об заклад, что это было хорошо» [2, т. 2, с. 167]; «кроме “Горация” Муравьева и Крылова басен, там ничего путного я не видел» [2, т. 2, с. 195].

Тревожный и трудный 1812 год стал временем непосредственного, тесного общения Батюшкова и Муравьева-Апостола. Во время Отечественной войны, в начале сентября 1812 г., Батюшков вместе со своей тетушкой Е. Ф. Муравьевой и ее тремя детьми прибыли в Нижний Новгород, о чем он рассказывает в письме Гнедичу (октябрь 1812 г.): «Мы живем теперь в трех комнатах, мы, то есть Катерина Федоровна с тремя детьми, Иван Матвеевич (Муравьев-Апостол. – А. О.), П. М. Дружинин, англичанин Эванс, которого мы спасли от французов, две иностранки, я, грешный, да шесть собак» [2, т. 2, с. 234]. Вечерние разговоры Батюшкова и Муравьева-Апостола были не только о злодействах французов, но и об античной истории, и это общение, несомненно, повлияло на поэта, на его заинтересованность древней культурой, историей и литературой. Отголоски этих разговоров «не замедлили сказаться» в творчестве К. Н. Батюшкова: «Исследователи неоднократно отмечали близость, почти текстуальную, поэтического послания Батюшкова “К Дашкову” и публицистической прозы Апостола в “Письмах из Москвы в Нижний Новгород”» [4, с. 125].

В июле 1815 г. Батюшков по долгу службы приехал в Каменец-Подольский, где провел полгода. В. А. Кошелев, составитель биографии Батюшкова, пишет: «Предстоящая служба – “пребывание и бесплодная жизнь в Каменце” не радовала поэта, <...> еще не уехав на службу, он уже думает об отставке, хотя и собирается “служить не тужить” и выполнять “рыцарский” долг» [3, с.220]. В этот период Батюшкова «влечет стихия воспоминаний», в первую очередь – воспоминаний о любви. Именно в Каменце была написана элегия «Таврида». Батюшков в Крыму еще не был: представления его были самыми общими, но, видимо, ему рисовался чарующий экзотический край, такой непохожий на места, где он жил. С этим краем он связал романтическую надежду на счастье. Читающийся в элегии мотив побега с возлюбленной, «сокрытия» был навеян несчастной любовью к Аннете Фурман. В Каменец-Подольском у Батюшкова появляются мысли о перемене обстановки, о путешествии на юг – и он начинает подготовку к своей поездке в Одессу, Херсон и Крым.

В начале 1816 года Батюшков приезжает из Каменец-Подольского в Москву и останавливается в доме Муравьева-Апостола на Старой Басманной, его встречают радушно, «ласково и дружелюбно». И вновь в переписке Батюшкова и с Н. И. Гнедичем, и с Е. Ф. Муравьевой, и с Е. Н. Шипиловой (сестрой писателя) мы встречаем теплые отзывы о троюродном дяде: Батюшков признателен ему, благодарен и за прием, и за финансовую поддержку [2, т. 2, с. 384].

1818 год представляет особый интерес для нашей темы. Именно в это время Батюшков, работавший в Императорской Публичной библиотеке, просит у ее директора, А. Н. Оленина, отпуск, чтобы отправиться на «лечения купанием в морской воде и воздухом Тавриды», потому что он «утратил здоровье на службе: три войны и тяжелая рана расстроили его совершенно». Он также «покорнейше просит дать какое-нибудь поручение для отыскания древностей или рукописей на берегах Черного моря, в местах, исполненных воспоминаний исторических» [2, т. 2, с. 482]. К своей поездке он готовится очень тщательно: читает труды Габлица, Нарушевича, Шаликова, Сумарокова, Кёлера. В конце июня Батюшков вместе с сыном И. М. Муравьева-Апостола Сергеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом отправляется в Одессу, где проводит июль и начало августа: посещает развалины древней Ольвии (село Порутино), собирает ряд экспонатов, снимает план и пишет черновой вариант «Замечаний об Ольвии», до нас не дошедший. Батюшков также навещает И. М. Муравьева-Апостола, который в это время был в Одессе вместе с дочкой, Еленой Ивановной.

После этой встречи пути поездок племянника и дяди разошлись: Батюшков отправился за границу, после – в Крым, и здесь болезнь окончательно овладела им; И. М. Муравьев-Апостол в этот период вернулся в родовое имение Хомуец, где начал целенаправленную подготовку к крымскому путешествию, изучая для этого как древних (Страбон, Геродот, Плиний), так и современных ему авторов (Сестренцевич-Богущ, Паллас, Габлиц).

Итак, к 1820 году Батюшковым уже написана элегия «Таврида» (1815 г.), им изучен ряд источников по истории древнего Крыма, проведено исследование побережья Черного моря вблизи Одессы. К этому же времени Муравьев-Апостол

заканчивает свою долгую подготовку к крымскому путешествию (по его признанию, готовился он 2 года, т. е. со времени пребывания в Одессе с Батюшковым).

При рассмотрении этих двух «крымских текстов» считаем важным отметить совпадение в названиях произведений. Таврида – одно из исторических названий древнего и средневекового Крыма, следовательно, использование топонима «Таврида» авторами настраивает читателей на восприятие образа Крымского полуострова как античного края.

Вместе с тем, общая для двух произведений античная тема реализуется в текстах различными способами. Романтик Батюшков изображает Тавриду как место, где можно укрыться от злого рока, найти приют от житейских невзгод и проблем:

*Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места [2, т. 1, с. 187].*

Вслед за Ю. С. Сергеевой-Клятис, которая в статье «Таврида» К. Н. Батюшкова: романтизм или ампиризм?» подробно разбирает элегию, выделим черты, характерные для романтической традиции:

- борьба лирического героя с жестоким роком;
- обоюдные несчастья полностью возмещаются любовью, которая может свободно проявиться только в прекрасном, удалённом от суеты света месте;
- антитеза «Таврида – Пальмира Севера» – дань горацианской традиции, согласно которой службе на «поприще фортуны» предпочитается спокойная жизнь в уединении;
- идеалистичное изображение пейзажа [5].

«Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, в отличие от «Тавриды» К. Н. Батюшкова, можно назвать «научным комментарием», научно-художественным описанием как истории, так и современности полуострова первой трети XIX века – настолько глубоко Муравьев-Апостол вникает в тему, изучает большое количество текстов о Крыме, в рамках своего повествования вступает в споры с некоторыми авторами. Чаще всего он не признает мнение «новейших» исследователей авторитетным (за исключением Сестренцевича-Богуша, автора «Истории Таврии», 1800 г.), а некоторые научные изыскания опровергает, выдвигая свои аргументы. Так, Муравьев-Апостол во многом не был согласен с взглядами на античную историю П. С. Палласа – ученого-естествоиспытателя, который в своих трудах также опирался и на личные наблюдения, и на «Географию» Страбона, и на труды других античных авторов. Спорит он и с французом Пейсонелем, часто отзываясь о нем снисходительно. Как показывает время, не все замечания Муравьева-Апостола были справедливыми, но они, несомненно, акцентировали внимание на пробелах в научной, а не мифологической истории Крыма, привлекали новых ученых и путешественников на полуостров.

Вопрос о местоположении Храма Девы в Крыму – один из самых загадочных и обсуждаемых, в разное время учеными предлагались разные версии его решения. Исследователи древнейшей истории называют, по крайней мере, три места, где мог стоять храм Девы. Это, во-первых, Партенит – поселение у Аю-Дага. Во-вторых, на Фиоленте близ Георгиевского монастыря. И, наконец, таким местом мог быть Херсонес – крупный экономический, культурный и политический центр Северного Причерноморья в античные времена.

Не обходят этот вопрос стороной К. Н. Батюшков и И. М. Муравьев-Апостол. В 1818 году, когда Батюшков собирался посетить Крым, он изучал разные источники. Помимо ученых исследований, в списке интересующих его книг встречаем трагедию Еврипида «Ифигения в Тавриде». Батюшкова влекло неведомое, таинственное. В его план посещения Крыма даже входят «купания в Черном море в виду *храма Ифигении* (выделено мною. – А. О.)», о чем он пишет в письме А. И. Тургеневу (май 1818 г.) [2, т. 2, с. 387]. Вспоминая Еврипида, Батюшков говорит, что «море лечит все болезни, но вылечит ли меня, сомневаюсь» [2, т. 2, с. 484]. Поясним. Еще с античных времен существует представление о целебных свойствах морской воды; об этом не раз писали греческие и римские мудрецы, об этом говорят и герои Еврипида:

Ифигения
Я ранее должна омыть нечистых.
Фоант
Проточною или морской водой?
Ифигения
Грехи с людей смывает только море [6, 540].

Видимо, эти строки вспоминались Батюшкову.

А вот что об этом месте пишет И. М. Муравьев-Апостол в своем «Путешествии...»: «В городе сем (Херсонесе – А. О.) находится храм Девы, некоему божеству посвященный» [7, с. 67]. Но, в отличие от Батюшкова, его интересует не мифолого-поэтическая сторона вопроса, а фактическая – точное местонахождение «капища». Именно поэтому в «Путешествии...» он опирается на «Географию» Страбона с описаниями Ираклийского полуострова (древнее название юго-западной части Крыма, между Севастопольской бухтой и Балаклавой) и приходит к выводу, что капище располагалось в городе «Херронисе, во ста стадиях от мыса Партенион (мыса Девы)» [7, с. 68]. Иными словами, Муравьев-Апостол опровергает тот факт, что Храм Ифигении располагался на мысе Партенион (Фиолент).

Через год после выхода «Путешествия...» А. С. Пушкин написал стихотворение «Чаадаеву (К чему холодные сомненья?..)». Пушкина-романтика, как и Батюшкова, влечет поэтическая сторона легенды, возникающий за знаменитой легендой эмоционально-поэтический ряд. В «Отрывке из письма к Д.» (конец 1824 – начало 1825 гг.) Пушкин написал: «Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических» [8, с. 251].

ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели представления о Крымском полуострове двух авторов – представителей одной эпохи, но разных литературных школ. К. Н. Батюшков, и И. М. Муравьев-Апостол ассоциировали Крым с античной историей, но способы выражения их взглядов были во многом продиктованы принципами тех литературных обществ, к которым они относились. Для Муравьева-Апостола, члена «Беседы любителей русского слова», был важен исторический контекст; он очень скрупулезно отбирал информацию для своей книги, выверяя и сравнивая источники. У Батюшкова же мы видим романтическое, в духе «Арзамаса» изображение экзотического южного края; до посещения полуострова на первый план у него выходят личные переживания, переданные посредством мифологических образов.

В завершение выделим еще один объединяющий авторов фактор: мы можем предполагать, что именно К. Н. Батюшков стал адресатом крымских писем И. М. Муравьева-Апостола. В. А. Кошелев в приложении к переизданию «Писем из Москвы в Нижний Новгород» Муравьева-Апостола указал, что адресат этих писем был К. Н. Батюшков и что «Путешествие по Тавриде» «повторяет тот тип повествования, который был найден Иваном Матвеевичем еще в “Письмах” 1813–1815 годов» [1]. Совместное посещение Одессы и древней Ольвии в 1818 году, беседы об античной культуре и истории, обращения Муравьева-Апостола к читателю в «Путешествии...» (например, в первом одесском письме (11 сентября 1820 года) он пишет: «Вступление мое к путешествию я тебе, друг мой, посвящаю: ты на то имеешь право неоспоримое; ибо я отправляюсь в тот край, где некогда в Храме дружества курился фимиам в честь Ореста и Пилада» [7, с. 5]) – думается, что упомянутые детали хронологически и логически указывают на большую вероятность нашего предположения.

Список литературы

1. Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб.: «Наука», 2002. – 270 с.
2. Батюшков К. Н. Сочинения: в 2-х т. / К. Н. Батюшков. – М.: Худож. лит, 1989. – Т. 1., 511 с.; Т. 2, 719 с.
3. Кошелев В. А. Константин Батюшков: Странствия и страсти / В. А. Кошелев. – М.: Современник, 1987. – 351 с.
4. Кошелев В. А. К. Н. Батюшков и Муравьевы: К проблеме формирования «декабристского» сознания / В. А. Кошелев // Новые безделки : Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. – М. : Новое литературное обозрение, 1995–1996. – С. 117–137.
5. Сергеева-Клятис А. Ю. «Таврида» Батюшкова: романтизм или ампир? / А. Ю. Сергеева-Клятис // Первое сентября. Литература, 2002. 8–15 апр. (№ 14).
6. Еврипид. Трагедии: В 2 т. / Еврипид. – М.: Наука, Ладомир, 1999. – Т. 1, 650 с.
7. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб : Печ. в тип., состоящей при особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. – 337 с.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 13, 651 с.

LITERARY IMAGE OF THE CRIMEA IN THE WORKS OF
K. N. BATUSHKOV AND I. M. MURAVIEV-APOSTOL

Okhremenko A.

The article discusses the implementation of the Crimean literary themes in the works of two writers – representatives of an era, but of different literary trends – K. N. Batushkov and I. M. Muraviev-Apostol; played the story of their creative and personal contacts; suggests that the recipient of letters from “Travelling across Tavrida in 1820” could be K. N. Batushkov, argues that prove this point.

K. N. Batushkov and I. M. Muraviev-Apostol associate Crimea with ancient history, but the means of expressing their views were largely dictated by the principles of the literary societies to which they belonged. For Muraviev-Apostol, a member of the “Lovers of the Russian Word Society” was important historical context; he very carefully selected the information for his book, verifying and comparing sources. In “Tavrida” of Batushkov we see a romantic, in the spirit of “The Arzamas Society”.

Keywords: K. N. Batushkov, I. M. Muraviev-Apostol, “Tavrida”, “Travelling across Tavrida in 1820”, travel notes, literature about the Crimea.